

Созвучием струн Октября

БОЛЬШЕ БЮЛЬ в роли Алира («Наргиз»).

Близки и дороги

О ПЕРА «КЕРОГЛЫ», прозвучав в Азербайджане, была вскоре поставлена в Армении. Под сценическим названием имени Спейдиарова звучали то горячие, зажигательные, то нежные, лирические мелодии. А зрители, словно зачарованные, слушали музыку, так глубоко и ярко раскрывающую характер легендарного богатыря Кероглы, вставшего во главе обездоленного и угнетенного народа, для борьбы с миром несправедливости и зла.

Арно БАБАДЖАНИЯ, народный артист Армянской ССР.

А. Бабаджания

Школа мастеров

ГЛАВНОЕ, что составляет силу всех подлинных мастеров, — это наследники и продолжатели их дела. У выдающихся азербайджанских мастеров Узеира Гаджибекова и Муслима Магомаева — великолепная плеяда учеников, шедшая школа азербайджанской музыки, занимающая видное место в советской культуре.

Традиции Уз. Гаджибекова и М. Магомаева глубоко индивидуально развивают Кара Караев, Джевет Гаджиев, которые в течение некоторого отрезка времени занимались и у меня в Московской консерватории.

Отчетливые черты этой школы несет на себе и творчество Фиррата Амирова, человека яркого таланта и своеобразия. А если взять Султана Гаджибекова, то это уже совсем иная, но очень интересная творческая индивидуальность. Можно говорить еще и еще о композиторах Азербайджана — у каждого своя манера, свой стиль, свой почерк. Мечтаю всем композиторах Азербайджана дальнейших успехов на их благородном пути.

Анатолий АЛЕКСАНДРОВ, профессор, народный артист РСФСР.

А. Александров

Это и наш праздник

УЗЕИР ГАДЖИБЕКОВ и МУСЛИМ МАГОМАЕВ, бессорно, сделали неизмеримо много для Азербайджана. Мне хотелось бы сказать о их роли в развитии всей советской музыки, особенно культуры закаспийских республик. У азербайджанского народа и народов Средней Азии немало общего, сходного в исторических судьбах, веками складывавшихся обычаях, национальных музыкальных традициях. Вот почему, создавая первые оперы, композиторы Казахстана или Узбекистана видели перед собой образцы в творчестве Узеира Гаджибекова и Муслима Магомаева.

Кудус КУЖАМБАРОВ, заслуженный деятель искусства Казахстана.

Кудус Кужамбаров

СВЕТЛЫЙ ИМ

МНЕ довелось заниматься у Гаджибекова в годы войны. У него был свой метод преподавания — он приучал нас, студентов музыкального консерватории, вслушиваться в окрестности, в жизнь. Каждый день устраивался нам своеобразный экзамен — что нового мы узнали из сводок Информбюро, что прочли в газетках. И мы наперебой рассказывали.

«Ну, а теперь пишите марш бою, идущий в наступление на врага», — требовал Узеир-бек. И мы на основе всего полученного по специальности, гармонии, полифонии, которые учились, с увлечением сочиняли марши. А потом эти опыты горячо обсуждались в классе. И педагог умел со свойственным ему тактом направить обсуждение так, что, когда говорились об ошибках, никого это не обижало.

Хочется подчеркнуть еще одно очень драгоценное свойство Гаджибекова. Он был очень внимателен не только к нашему творческому росту, он интересовался нашей жизнью, здоровьем. Придет в класс — озвучит каждого (беря — было трудно — войной), заметит что-то неблагоприятное, обязательно скажет:

«Слушай, что-то нездорово выглядишь, а ну, зайди после урока ко мне...»

Уже давно нет учителя, друга, замечательного человека. Но память о нем жива, в наших сердцах. Уже много времени спустя после его смерти, я, полная грусти от такой безмерной утраты, полная уважения к его светлomu иму и таланту, написала вокальное произведение, посвященное памяти Узеира Гаджибекова.

Агабаджи РЗАЕВА, композитор, заслуженный деятель искусств Азербайджана.

ДОСТОЙНО ВРЕМЕНИ

Узеира Гаджибекова всегда отличал интерес ко всей советской литературе и искусству, к ее творцам. Человек, глубоко правдивый и принципиальный, он смело высказывал и твердо отстаивал свои мнения. Об этом красноречиво говорит выдержка из его выступления на заседании Комитета по государственному премию 21 ноября 1940 года.

Я С ОГРОМНЫМ интересом слушал оперу Прокофьева, которую, что у него в опере есть свой новаторский стиль. Он отошел от штампованных форм. Это новаторство достойно большого внимания. Оно будет иметь последователь... Оно доходит до аудиторией. Если бы была премия по линии оперы, я бы стоял за то, чтобы Прокофьев получил эту премию. Я только не согласен с либретто, оно очень плохо. Что героического сделал Котко? То, что он бросил бомбу в церковь, и все вышли здоровыми, только один ранен. Чайковский и Вагнер сами участвовали в составлении либретто, но оно бездарно.

Относительно Шостаковича. Конечно, это мастер самого высокого стиля, его творчество имеет мировое значение. За его 5-ю симфонию никто не отказался бы дать ему премию. Видна самобытность большого мастера, который знает особый секрет звучания оркестра. И по доходности он стоит на первом месте. Никакого формализма, никаких трюков, рассчитанных на широкую публику.

Теперь относительно Мясковского. Я очень жалел, что иногда у нас забывают людей. Одним из забытых является Мясковский. У многих молодых композиторов крутятся на губах имена, а у этого маститого мастера, который написал 21 симфонию, еще нет ордена. Я как-то спросил его, как удается ему столь плодотворно работать. Он сказал, что работает

ДРУЗЬЯ, СОРАТНИКИ, СПОДВИЖНИКИ

СТРАНИЦЫ газет, желтеющих от времени, в самых различных областях жизни отразили они, сколько волнующих событий запечатлели. Приводя в порядок архив Узеира Гаджибекова, я прочитываю целые полосы газет, посвященные ему, статьи, материалы. Вот мой взгляд упал на пороготное сообщение в «Бакинском рабочем» за 19 сентября 1945 года.

«Вчера торжественным собранием в Азербайджанском театре оперы и балета имени М. Ф. Ахундова общественность Баку отметила 60-летие со дня рождения и 40-летие творческой деятельности народного артиста СССР, композитора Узеира Гаджибекова. Собрание тепло встретило юбиляра...»

За этими скупыми, строгими строчками газетной информации передо мной встал тот памятный вечер, который вылился в торжественно-азербайджанской культуры. Сколько проникновенных слов было произнесено тогда болельщиками, артистами, артисткой Григорием Киллазе, композитором Сейидом Рустамовым, артисткой Шовкет-ханум Мамедовой.

Но неизгладимое впечатление на всех произвел выступление Самеда Вургун. Это была какая-то восторженная ода в прозе — Самед говорил о том, с кем был вместе в часы радости, с кем делил невзгоды, с кем шел плечом к плечу по трудным жизненным дорогам, кому без раздумья отдал бы жизнь... Конечно, два друга, два мастера: один — мастер слова, другой — мастер композиции. Так хорошо понимающие, чувствующие друг друга, не могли не сотрудничать, не идти рядом и в творчестве. Написал Узеир-бек новый отрывок — спешит прогнать Самеду. Прядет

вдохновение к Самеду, и он торопится прочитать только что родившиеся стихотворения Узеира.

Однажды за полночь в квартире Гаджибекова раздался телефонный звонок.

— Слушай, Узеир-бек, дорогой, стихи...

И поэт стал читать композитору только что созданные строки:

Смерть и кровь не одержат войнов страны, В испытанных многих закалились воины страны, И вокруг пусть бомбы рвутся намыд час, Ни огонь, ни гибель не удержат нас.

Звук трубы призывной среди гор поет Армия Отчизны, день настал, вперед!

Смотрю, композитор заволновался:

— Прочитай, я запишу! — попросил он поэта.

Казалось, все это вполне можно было бы отложить до утра, но не такие были оба друга: загорелось — нужно было же минуто братья за дело. Узеир-бек сейчас же оделся, сел к роялю, тихонько наигрывая и напевая что-то. Через полчаса звонит Самеду:

— Знаешь, дальше что-то не получается с размером... Тот, видно, и не ложился, ждал звонка, уж слишком хорошо он знал Узеира.

— Сейчас иду... И поэт шагнул через затемненный город, уговаривая задерживающий его патруль, к дому Узеира. Здесь сразу же закипела работа, и утро соратники встретили новой песней «Армия Отчизны».

Вургуновские слова легко и органично сплелись с мелодией, страстной и неукротимой. Вместе друзья бывали и на встречах с воинами, выступали в подразделениях и госпиталях. Одним из впечатлений, вынесенных из этих встреч, была сложная работа медицинского персонала. Вскоре появились песни «Медсестра».

Все эти ставшие широко популярными песни воспеивали в людях чувство патриотизма, воинского долга и чести, они звали и подвиги. Они звучали в боях подразделений действующей армии. И не случайно генерал армии Еременко писал Узеиру Гаджибекову вскоре после войны: «Выдающемуся деятелю советского искусства, крупнейшему композитору нашей страны, автору многочислен-

ных оборонных произведений шлю свою горячую признательность...».

Как бы завершающим этапом творческого сотрудничества двух титанов — поэтического и музыкального — явилось создание «Гимна победы» с его торжественным лирическим, светлыми размышлениями о дальнейших судьбах народа и возрождающейся из руин страны. Все это, как на кинематографической ленте, прошло передо мной, когда я на юбилее слушал Вургуну.

И особенно его стихи, которые он набросал, сидя в президиум, со стенографической быстротой и которые прочел вслед за своим докладом.

Я бесконечно рад, что мне удалось сохранить эти стихи Самеда Вургуну для истории. Дело в том, что на просьбу — подарить листок мне на память, поэт долго отвечал отказом:

«Это же экспромт, написано наскоро, как-то неудобно...»

Я настаивал еще и еще, убеждая, что стихи мне очень нравятся: — Ладно уж, бери... Я долго хранил их в архиве, и сегодня они публикуются впервые на русском языке. Я думаю, почитателям поэзии и музыки будет интересно с ними познакомиться.

Рамазан ХАЛИЛОВ.

Самед ВУРГУН ВЕЛИКИЙ КОМПОЗИТОР

ТЫ НА ОРЛА СВОИМ ПОРЫВОМ, СВОЕЙ ИРЫЛАТОСТЬЮ ПОХОЖ, ТЫ РЕШЬ В НЕБЕ НЕОБЪЯТНОМ, В ВЫСОКОМ МИРЕ ТЫ ЖИВЕШЬ, ТВОЙ МИР ВЫСОКИМ УКАНАЯ, ЗЕМЛИ СВОЕЙ, СТРАНЫ СВЯТОЙ, ВОЛЫШАЯ ДУМА ЧЕЛОВЕКА, СЯЮТ СОЛНЦЕ И ЛУНА, ТЫ — ВЕРНЫЙ СЫН ОТЧИЗНЫ ДРЕВНЕЙ, СОЗВУЧЬЕМ СТРУН ОКРЫЛЕНА, И В ЭТОМ ЧЕСТИ ТВОИ И ГОРДОСТЬ, СЧАСТЛИВЫ ДОЛГ И ЖРЕБИИ ТВОИ, КОГДА ТВОЕЯ ВНИМАЮ ПЕВНИ, ПЕРЕДО МНОЙ ВСТАЕТ ЗАРЯ, ВСТАЕТ ЛИКУЮЩЕЕ СОЛНЦЕ, ЗНАМЕННЫМ ВАРХАТОМ ГОРЯ, ЗАРЯ ПРЕКРАСНА, КАК ДИШАЮТ НЕЗАВЫВАЕМЫХ СТИХОВ, ПРЕКРАСЕН ВИД ТВОЕЙ ВРАЩАЕМЫХ НЕУВЯДАЕМЫХ САДОВ.

Перевел Владимир КАФАРОВ.

НЭРГИЗ - ЛЮБИМАЯ ГЕРОИНЯ

Человек, кровно заинтересованный в судьбах искусства, стремящийся к прогрессу народа, его культуры — таким предстал передо мной Муслим Магомаев, когда я впервые увидела его в 1921 году на совещании в отделе искусств Наркомпроса, который он возглавлял.

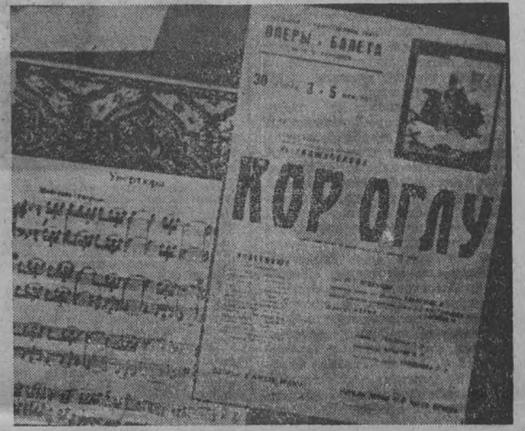
Время, дальнейшие встречи с ним еще больше углубляли, расширяли мое первое, такое светлое впечатление.

Многим, как горячо приветствовал Муслим Магомаев организацию театрального училища. И позднее, когда я была назначена директором этого училища, мне неоднократно приходилось обращаться к Магомаеву. С ним всегда можно было найти общий язык — активный поборник просвещения народа, расширения женщины, приближения ее к грамоте, театру, искусству, Муслим живо откликался на любое предложение, сам давал немало советов относительно направления нашей деятельности нашего училища, привлечения девушек к учебе. Это была очень актуальная проблема, и Муслим Магомаев хорошо понимал, как важно было тогда вос-

питание национальных кадров актеров.

Занятый большой общественной деятельностью, являясь первым председателем профсоюза работников просвещения, членом Бакинского Совета, Муслим Магомаев находил время и для большой творческой работы, сочинял новую музыку, пересматривал уже написанное. Так, в 1924 году появилась новая редакция «Шах Исмаил» (поставленная впервые в 1919-м).

Нужно сказать, что в этой опере заключено какое-то исключительное обаяние — не случайно, она постоянно шла на сцене, вплоть до недавнего времени, не случайно пользовалась таким успехом. Вот что писалось в декабре 1925 года на страницах «Бакинского рабочего»: «По захватывающему сюжету и музыкальной стройности опера «Шах Исмаил» претендует на первенство в репертуаре тюркской оперы. Достигах в исполнении полного оркестра производят колоссальное впечатление на слушателя. Благодаря ценному труду Магомаева впервые восточные мелодии со всеми деталями исполняются на инструментах, до сего времени чуждых восточному уху...» И в самом деле в опере много ярких, эффектных эпизодов, она привлекает своей сочной, красивой мелодикой, интересны, напевы арии, ансамбли, рецитативы. Колоритны и образы героев — коварного шаха Аслана, его сына, молодого полководца, шаха Исмаила, смелой, мужественной

Страница кавира и афиша спектакля «Кероглы».

РОДОНАЧАЛЬНИК

КАЖДЫЙ раз, когда задумаюсь о том, что я, как и многие мои сверстники, был современником классика азербайджанской музыки Узеира Гаджибекова, общался с ним, меня охватывает какое-то странное чувство. Ведь когда говоришь «классик азербайджанской музыки», обычно как-то представляешь себе образ молчаливого Сафиедина Урраги, облаченного в длинные халаты, с тюрбаном на голове. Внешний облик их ассоциируется, скажем, с наручниками, уже знакомым нам по памятникам Низами или Физули, — они кажутся не обыкновенные, недосагаемые, величавые... Нет, в этом смысле Узеир-бек был «классиком» несколько иного плана.

В своей статье «Место «Лейли и Меджнун» в истории азербайджанской музыки», напечатанной в Известиях Академии наук Азербайджанской ССР еще при жизни Узеира Гаджибекова (1945 г.), я писал о том, что на долю Узеир-бека выпала весьма редкая честь — увидеть себя в положении признанного своим народом «классика» еще при жизни. Видимо, какой-то марш в определенный период своей истории выдвигает таких гениев: Мансим Горыный, Рабиндранат Тагор, Ян Сибелиус...

В обыденной жизни Узеир-бек был очень прост, весел, жизнерадостен. Интересный собеседник, обладающий даром острой наблюдательности, отличался предельной ясностью в своих суждениях и действиях.

И вот несколько дней тому назад на голубом огоренье, «законном» гостеприимными учениками школы № 190 по случаю 80-летия классиков азербайджанской музыки Узеира Гаджибекова, Мелен-ханум, мы вспоминали много эпизодов из жизни композитора. В частности, о том, как летом 1925 года я гостил у них на даче в грузинском курортном местечке Цем, о том, как после завтрака все домочадцы вновь садился за стол, чтобы решать составленные накануне Гаджибековым новые задачи по гармонии (а то время Узеир-бек усиленно работал над составлением учебника по гармонии).

Недалеко от дачи Гаджибекова отдыхал со своей семьей Муслим

Магомаев. Собираясь ежедневно в тени излобленного Узеир-беком соснового дерева, своими вели оживленную беседу о путях развития азербайджанской музыки вообще, об оперном искусстве, как бы продолжая в частной беседе обсуждение проблем, которое велось в то время в музыкальных кругах, на страницах бакинской печати. Да, мысль о родной музыке, о ее состоянии и будущем никогда не оставляла этих двух замечательных людей, она была главным делом их жизни, владелицей их умами, их сердцами.

Вспоминал удивительное благородство нашего любимого учителя, его неизменную доброжелательность, его умение незаметно и вовремя прийти на помощь, думая: такое не забывается! Лично мне на всю жизнь неизгладимо врезалось в память его выступление после общественного просмотра моего балета «Девичья башня» в апреле 1940 года, за несколько дней до премьеры. Сначала, что национальное своеобразие неотъемлемо от реалистического искусства, он вместе с тем отметил, что именно соблюдение лучших образцов русской классической балетной музыки определило направленность всех моих устремлений — создать впервые в азербайджанской музыке танце традиционные балетные формы, как вальс, адажио, сольные вариации и т. д. «Умелое сочетание классической балетной музыки», — писал У. Гаджибеков в газете «Правда» в связи с постановкой балета «Девичья башня», — с подлинно народными танцами определило содержание и стиль спектакля в целом».

От Узеира Гаджибекова ведут свою родословную многие жанры современной азербайджанской музыки. К бессмертному творчеству Уз. Гаджибекова, и особенно его «Кероглы», будут вновь и вновь обращаться поколения наших композиторов: опыт Узеира-бека и его школы для молодых авторов — образец создания почвенности с новаторством, демократизма с мастерством.

О жизненности традиций, заволашеванных Узеир-беком, красноречиво свидетельствует творчество молодых композиторов Азербайджана, принявших заветы Узеира уже из рук его учеников.

Афрасиаб БАДАЛБЕЯЛИ, народный артист республики.

Очень тепло высказывался пианистка Маризета Шагиная: «...В Армении замечательная опера Степаняна «Наз Назар», в Азербайджане новая опера Муслима Магомаева «Наргиз» разными путями и разными средствами говорят нам, что советская музыка должна выходить на большую дорогу социалистического искусства, что она ищет бесспорные образцы и ищет реальные пути для оперы...»

Что касается меня, то я, пожалуй, ни один образ не ощущаю таким близким, как Наргиз. Мне нравились, конечно, мои прежние героини — наивная и веселая Гюльохра, поэтичная, трогательная Наргиз. Но Наргиз же была совсем иной. Судьба этой простой, крестьянской девушки, вступившей в борьбу с патриархальными устоями жизни, вставшей против женского рабства, была хороша мне понятна. Бель и мне, первой женщине-азербайджанке, рискнувшей выступить на эстраде в

1912 году, немало пришлось пережить против меня ополчились мракобесие и невежество. И требовалось немалое мужество, чтоб отстоять свое право на свободу, право на артистическую деятельность.

Партню Наргиз я пела всегда с большим подъемом и настроением. Меня увлекал драматический сюжет оперы, ее музыка. Что стоит, например, грустная песня Наргиз «О любви моей свет, судьбы мой свет...» или ариозо героини. Большой интерес представляли партии рабочего Данафара и особенно пастуха Алира. Привлекательна его ария: в которой говорится о любви Наргиз, интересна ария из третьего акта, когда Алир поднимается до протеста против угнетателя. Каждый образ очерчен глубоко индивидуально в этом сила произведения. «Наргиз» знаменательна еще и тем, что одним из активных героев ее является народ. Словом, опера была серьезным достижением автора, свидетельствующим о зрелости и мастерстве. Нетрудно себе представить, как дальше пошла бы развитие шедевр одаренного и требовательного к себе азербайджанского композитора. И, как радостно, что дело его жизни живет и торжествует.

Шовкет МАМЕДОВА, народная артистка СССР, профессор.

